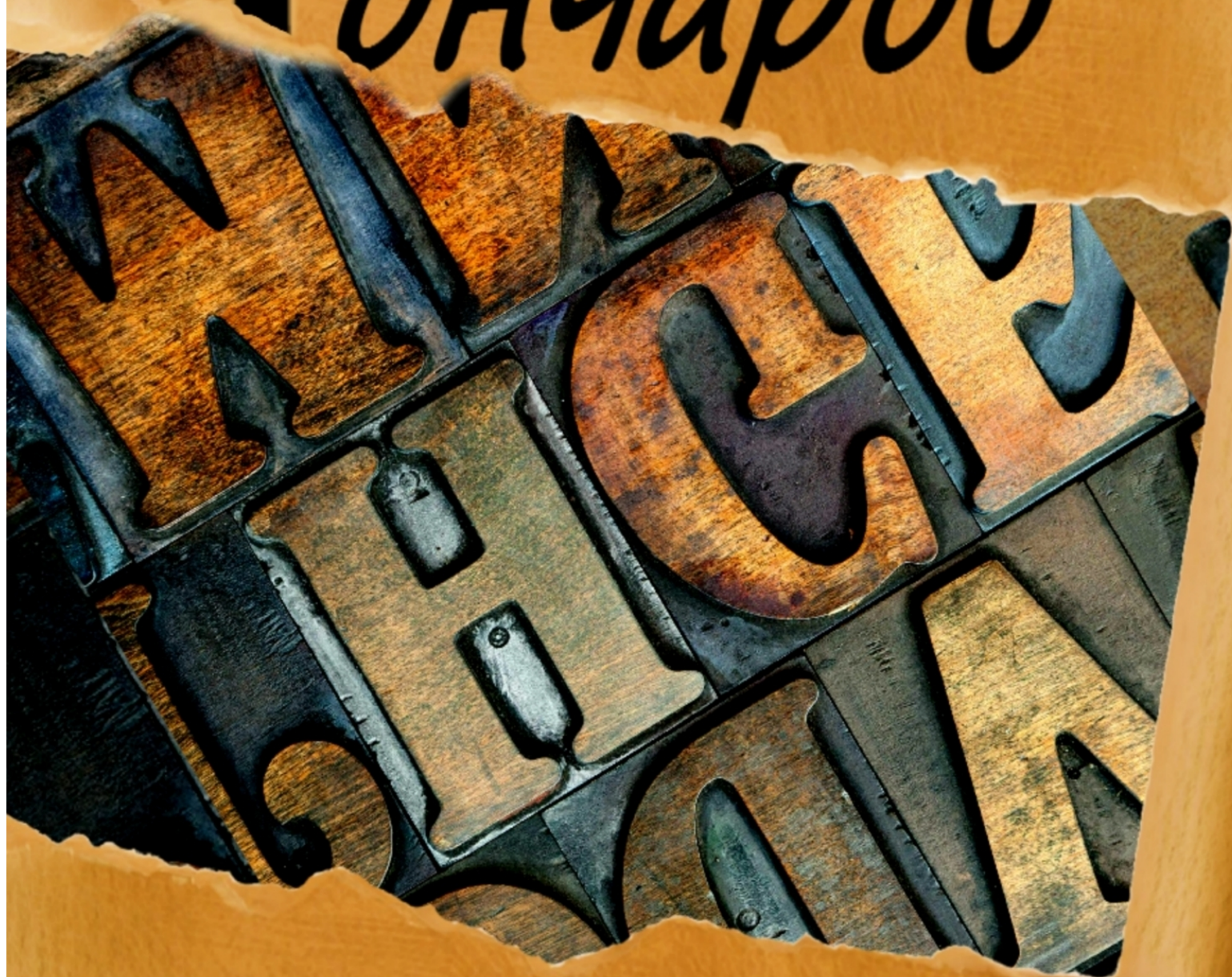

Сергей
Гончаров

БЕСПЛАТНО

18+

Сергей Гончаров

Бесплатно

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гончаров С.

Бесплатно / С. Гончаров — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В сборник вошли рассказы писателя, которые можно найти в сети. Вы можете потратить время на поиски, а можете бесплатно скачать всё под одной обложкой.

Содержание

Об авторе	5
Побег от мамочки	6
Поезд должен жить	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Гончаров

Бесплатно

Об авторе

Сергей Александрович Гончаров родился 18 марта 1987 года в Ростове-на-Дону. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар прозы А. Ю. Сегеня). Первые рассказы начал писать в пятнадцать лет, но всерьёз творчеством занялся много позже. Играл в рок-группе. Финалист премии «Писатель XXI века».

Рассказы публиковались в журналах: "Полдень XXI век", "Юность", "Знание-сила. Фантастика", "Урал" и ряде региональных газет и сборников.

Все романы написаны в жанре социально-психологической или научной фантастики с элементами боевика.

Роман "Сихирти" вошёл в 55 лучших книг 2016 года по версии газеты «Литературные известия».

Официальный сайт автора: <https://goncharovsergey.ru>

Побег от мамочки

Тимур наблюдал за посадкой серебристого модуля. Снег, который лежал повсюду, отражал свет почти потухшей звезды и сильно слепил. Куполообразный модуль, выставив четыре лапы, сел на посадочную площадку. Взметнулся ураган снега – долго на эту площадку никто не садился.

Четыре часа назад Тимур получил сообщение следующего содержания:

«Узнал, что ты застрял на этой проклятой планете. Иду выручать».

Конечно же, это оказался старший брат. Тимур ни секунды не сомневался в этом. Лишь он, да покойная мать могли так выражаться. Мать до последнего вздоха называла его «маленьким пингвинчиком». Брат, после смерти матери, принял на себя роль защитника. И где бы ни оказался Тимур, всегда приходил Данил и вытаскивал младшего. В этом нет ничего плохого, думал Тимур, не будь брат настолько дотошным, что старался знать каждый шаг младшего, чтоб сейчас же вмешаться и помочь. И неважно, нужна ли помощь.

Серебристый модуль громко пшикнул, выпуская отработанный пар. Дверь пассажирского отсека медленно поползла вниз. Она успела опуститься лишь наполовину, а Тимур уже видел счастливую улыбку высокого мужчины крепкого телосложения. На лысой голове Тимур заметил три шрама. Один, достаточно глубокий, прорезал правую щеку. Данил жизнерадостно помахал рукой. Тимур вяло ответил. Он не питал к брату таких же восторженных чувств. За что себя, впрочем, винил.

Не успела дверь до конца открыться, как Данил, не спуская лестницы, прыгнул на снег. Тимур всегда поражался энергичности старшего брата. В школе он был лучший во всех видах спорта. В армии никому ни в чем не уступал. И когда его ровесники сидели с толстым пузом, обсуждая очередной футбольный матч, Данил мог, не затрудняясь, пробежать сорокакилометровый кросс хоть в двух снаряжениях, убить быка одним ударом, а в пьяном состоянии даже на медведя с голыми руками изредка ходил.

Наверно потому и работал в дивизии разведчиков – искал новые миры.

Тимур не пошел за братом. Он не был первым в школе по физической подготовке. Больше того, одноклассники издевались над ним – ведь грех не пошутить над маленьким и слабым. К тому же он ничего не говорил брату, а если бы сказал, то нашелся бы еще один повод поиздеваться.

Но Тимур преуспел в другом. В то время как брат рвал груши с одного удара, Тимур изучал историю. Постепенно увлечение переросло в манию. Ему стало казаться, что чем он больше учит, тем меньше знает. И Тимур начал учить еще усерднее. Не закончив школы, он получил место на историческом факультете бюджетного отделения самого престижного вуза Земли. А через два года с отличием окончил. Преподаватели восхищались его знаниями. Предлагали, не откладывая, идти в аспирантуру, но...

Тимур выбрал собственный путь.

Данил со счастливой улыбкой заключил брата в объятия. Тимур чувствовал, что ребра с секунды на секунду превратятся в труху, но не возражал. Ради любви можно все перетерпеть.

– Как ты, братик? – Данил лишь на секунду отстранил Тимура, а в следующее мгновение обнял еще сильнее. – Не загнулся от холода?

– Еще нет, – Тимур с большим трудом освободился из объятий Данила. – А вот ты вполне можешь, если не оденешь это.

Тимур протянул брату термоскафандр.

Планета, где он жил последние семь лет, представляла собой ад. Только наоборот. Днем температура держалась в пределах минус ста пятидесяти по Цельсию, ночью падала до двухсот.

Без скафандра обширное обморожение и воспаление легких через несколько минут, а смерть через десять. Но это для неподготовленного человека.

Данил удивленно посмотрел на термоскафандр, затем на брата. Теперь он заметил, что Тимур одет в точно такой же красный комбинезон с прозрачной маской для лица.

– А это обязательно? – поинтересовался Данил.

– Обязательно, – ответил Тимур. – Мне удивительно, что ты еще не заметил здешнего холода.

– Заметил... Немного.

Тимур выискал среди оставшихся комбинезонов самый большой размер. Но теперь, взглянув на брата, засомневался, что Данил сможет его надеть.

Брат быстрыми, выверенными движениями натянул комбинезон. Со стороны могло показаться, что он всю жизнь только и делал, что надевал термоскафандр. Конечно, он ему оказался немного маленьким, но, главное, застегивался плотно.

– Пойдем в машину, – указал рукой Тимур на припорошенный свежим снегом вездеход. – Термоскафандр все равно плохо помогает от здешних морозов.

– Это?! Мороз?! – Данил небрежно махнул рукой. – Мы год назад были кто-его-знает в какой галактике. Так там на одной из планет, вследствие каких-то аномалий, минус тысяча по Цельсию. Нам даже приземляться не разрешили...

Он направился за братом продолжая рассказывать о галактике кто-его-знает.

– Но высаживаться там надо было, ведь сканеры вторично показали на одной из планет огромное наличие... кажется каменного угля. Ну и что ты думаешь? Скрепя сердце, командир отправляет наш батальон на высадку, сразу предупредив, что вернуться могут не все... Что это за развалина?!

Данил остановился в недоумении. Вездеход действительно выглядел архаично – старая гусеничная машина на солнечных батареях.

– Ты на этом здесь ездешь?!

Казалось, брат всплеснет руками да добавит, как когда-то мать: «Пингвинчик мой, этого нельзя делать!»

– Нормальная машина, – попытался оправдаться Тимур, прекрасно понимая бесполезность усилий. – Она имеет достаточную проходимость для здешних снегов, да и неприхотлива в обслуживании...

– Сколько ей сотен лет?! – брат с непритворным удивлением обошел вокруг вездехода.

– Да если честно, то и не знаю, – ответил Тимур. – Я нашел ее в одном из местных ангаров пять лет назад. Отогрел, отмыл, зарядил и вот... езжу.

Тимур открыл дверь. Сел на водительское место. Данил с огромным трудом протиснулся в узенькую дверь и занял место рядом.

Мотор размеренно загудел. В его рычании чувствовалась мощь. Первобытная, неконтролируемая, даже дурная, но невообразимо сильная. В вездеходе, как подметил Данил, оказалось лишь несколько рычагов, три кнопки да руль больше похожий на штурвал музейных самолетов.

– Ну и как ездит твоя колымага?

В следующую секунду Тимур нажал педаль газа. Вездеход, взметнув столбы снега, тронулся. Изнутри казалось, что находишься в огромном и свирепом животном каждое мгновение готовом к битве. Через несколько секунд вездеход набрал скорость девять миль в час – быстрее ездить Тимур не рисковал, ведь снег временами коварнее болота.

Посадочная полоса находилась в часе езды от базы.

– А теперь рассказывай, чего ты тут застрял? – Данил заворожено рассматривал вид за окном.

Рассматривать было что. Умершие цивилизации, сколько на них не смотри, все равно притягивают взгляд. Это как смотреть на собственное чадо в кровати.

Высокие, спрятавшиеся за облаками, громады небоскребов. Переливающиеся всеми цветами радуги обледеневшие стекла. Застывшие на улицах автомобили. И все покрыто снегом.

Казалось, жители покинули эту планету в огромной спешке. Или погибли отчего-то настолько смертоносного, что война по сравнению с этим детская шутка.

– Впечатляет, – на выдохе произнес Данил. – Прямо как классический Нью-Йорк на фотографиях. Я видел сотни погибших цивилизаций, но такой красоты еще не наблюдал. Кошунственно, правда, звучит, но... – Данил не мог оторваться от окна. – Потрясающе красиво! Я теперь понимаю, почему ты не спешишь отсюда убраться.

– Вообще-то не поэтому, – сказал Тимур. – Здесь есть нечто более интересное, чем неизвестно когда погибшая цивилизация.

– Из-за этого «нечта» ты здесь и торчишь седьмой год?

Вездеход продолжал ехать вдоль города, но Данил переключил внимание на брата.

– Честно? – спросил Тимур.

– Желательно.

Тимур резко повернул руль. Данилу показалось, что примитивная машина чуть не перевернулась.

– Куда ты? – десантник удивленно взглянул на брата.

– Ты никогда не задумывался, почему мы так быстро уничтожили наш мир? – вопросом на вопрос ответил Тимур.

– Это имеет отношение к делу? – в свою очередь поинтересовался Данил.

– Прости, но придется зайти издалека.

Брат некоторое время смотрел в окно, затем с самым простодушным видом ответил:

– Нет, я никогда не задумывался, почему мы уничтожили Землю.

Вездеход въехал в город и, лавируя между машин, начал углубляться. Стекла нижних этажей слепили глаза, потому Тимур сбросил скорость. Не хватало только врезаться. Патрульно-постовые и скорая на этой планете отсутствовали уже давно.

– А кто здесь вообще жил? – поинтересовался Данил.

– Люди, – ответил Тимур. – Обычные люди, как мы с тобой.

– И выкачали все полезные ископаемые, – завершил мысль Данил.

– Так и было. Мы, когда прилетели, не нашли ничего. Планета пуста. Она словно воздушный шарик – внутри поляя.

– Так, а чего ж ты тут тогда остался? – вновь спросил Данил. – Если вы не нашли здесь ничего, то, что смог найти ты, раз решил остаться когда остальные улетали?

– Мы скоро приедем, и я тебе покажу, что я здесь делаю, а пока позволь рассказать.

Данил махнул рукой, мол, рассказывай.

– Если честно, – начал Тимур. – То мне странно, что ты служишь в одной из структур разведки и не обратил внимания на закономерность погибших цивилизаций.

– Я разведчик, а не ученый, – попытался оправдаться Данил. Он со школы питал некую зависть к брату, который хоть и младше, а знаниями обладал большими.

– Не обращал внимания, что везде, где есть погибшие цивилизации, нет больше ничего? Это погибшие планеты, где...

– Что это?! – указал Данил на здание, мимо которого проезжал вездеход.

На третьем этаже отсутствовало одно из стекол. Из дырки, головой вниз, свешивалось тело. Если б не черная шерсть, то Данил мог подумать, что видит человека.

– Местный хищник, – буднично сообщил Тимур.

– Здесь еще кто-то живет?!

Тимур посмотрел на брата. Ему казалось, по меньшей мере, странным, что он, столько повидавший на просторах космоса, еще способен удивляться.

– Это последние, кто был жив на этой планете, – сказал Тимур. – На планете, где есть погибшая цивилизация, нет абсолютно ничего ценного. Это вскоре станет аксиомой.

Данил почесал затылок.

– Ну, – несколько неуверенно начал он. – Я подмечал такое обстоятельство, но это ж не означает...

– В том то и дело, что означает, – перебил Тимур. – Планета уничтожена, а населения нет – вот, что это означает.

Данил хотел что-то сказать, но Тимур жестом остановил.

– А что мы сделали с Землей?

– Плохо мы сделали с Землей, – лаконично ответил брат.

– На нашей родной... – Тимур сделал ударение на последнем слове. – ...планете мы выкачали все ресурсы, загадили все что можно и убили всех, кого можно убить.

– Собственно, это еще в школе проходят, – сказал Данил. – Чего тут удивительного? Или ты мне хочешь доказать, что везде и на всех погибших планетах жили люди?

– Именно.

– А что ты скажешь про землянки размером с остров, где семиметровые скелеты с тремя глазами? Тоже люди? Или про ходы в пол человеческого роста, которыми испещрена вся поверхность Мейтаны? Причем там обнаружено нечто наподобие автомата, только маленького размера. Тоже люди, только карлики? А на Дэкаденсе мы застали и вовсе умирающую цивилизацию. Знаешь, чьими родственниками их признали? – не дожидаясь ответа, Данил сказал. – Медведей.

– Я не буду сейчас с тобой спорить, – сказал Тимур. – Только кое-что расскажу.

Вездеход выехал на площадь, где в центре стоял огромный памятник человеку с бородой и в скафандре наподобие тех, что одевали первые космонавты. Тимур повернул руль направо, и вездеход скрылся в одной из выходящих на площадь улиц.

– И все же, – продолжил Тимур. – Большинство же погибших цивилизаций человеческие?

Данил кивнул.

– Может, помнишь теорию, что человек не с планеты Земля и произошел не от обезьяны?

– Да знаю я эту теорию, – отмахнулся Данил. – Бред сивой кобылы в лунную ночь под барабанную дробь! Давным-давно доказано, что как ни крути, а мы произошли от обезьяны. У нас одинаковый геном, привычки...

– Согласен, – перебил Тимур. – Привычка убивать по пустякам у обезьян сильно развита! Я тебе говорю о том, что у человека изначально имелось много качеств и привычек, которыми земные животные не обладали. Взять хотя бы логическое мышление, волосы, абсолютную неприспособленность к миру. Как мы могли спрыгнуть с дерева и начать ходить в рост? Ведь любой хищник сразу бы задрал такую слабую особь. Как мы могли убить целый вид пещерных медведей каменными ножами?.. А вообще ты посмотришь сейчас на все сам.

Вездеход подъезжал к концу улицы. Впереди виднелась еще одна площадь, только огромного размера. Данил поначалу не поверил глазам, увидев посреди площади порядка тридцати деревянных домиков выстроенные в одну улицу. Во главе стояло трехэтажное деревянное сооружение без окон и с расходящимися от него проводами. Провода подходили к каждому дому, а от самого здания уходили вверх.

Данил, насколько позволяло окно вездехода, высунулся, чтоб посмотреть, куда же они идут. Оказалось, что на всех близлежащих крышах небоскребов стояло по несколько ветряных электростанций. Их силуэты смутно-смутно проглядывались сквозь пелену облаков.

– Это электростанция? – указал Данил на здание без окон.

– Да. Причем она до сих пор работает, – ответил Тимур.

Все выглядело настолько неестественное, что казалось галлюцинацией.

Тимур повел вездеход вокруг поселка посреди города. Позади домиков стояла деревянная ограда с острыми кольями, через каждые пять метров находились стальные бойницы.

– Что это вообще такое?! – задал, наконец, Данил вертевшийся на языке вопрос.

– Скоро узнаешь.

Впереди показалась брешь в стене. Лишь когда вездеход подъехал ближе Данил увидел, что часть ограды попросту выломана, а ближайшая бойница разорвана.

– Кто-то штурмовал этот поселок? – спросил Данил.

– Сородичи того, что висел из окна, – ответил Тимур.

Он сбавил скорость и медленно проехал в брешь. Внутри царил беспорядок. Повсюду, покрытые слоем снега, лежали разнообразные предметы обихода. Двери практически всех домов валялись рядом, вырванные вместе с лутками, хоть и открывались когда-то наружу.

Тимур повел вездеход прямо к центральному строению без окон. В одном из домов, сквозь дыру на месте двери, Данил смог разглядеть скромное убранство. Точнее то, что осталось от оного. Какой-то примитивный станок лежал на боку, стол переломлен на две части, кровать поставленная «на попа» в последние мгновение явно выполняла функцию двери. Повсюду валялась припорошенная снегом посуда и прочие мелкие предметы быта.

Вездеход остановился возле единственного входа центрального строения. По тому, как «приладили» дверь, Данил сразу догадался, что ее восстановлением занимался Тимур.

– Выходим, – Тимур выключил вездеход.

Данил еще с большим трудом, чем забирался, выбрался. Размял затекшие конечности, сделал пару упражнений разминки, нанес «двоечку» воображаемому противнику.

– Как можно строить такие маленькие машинки?! – возмутился он.

Тимур выбрался следом, открыл дверь здания, закрытую на обычный крючок.

– Заходи, – пригласил он брата.

Внутри царил мрак. Тимур пропустил брата и запер дверь изнутри на такой же крючок, клацнул тумблер возле входа, и помещение залил яркий белый свет. Оказалось, что здание не трехэтажное. Просто меньшее строение для предмета внутри, построить оказалось невозможно. Посреди единственной комнаты находилось нечто странное – большое квадратное сооружение. Его поверхность словно сделана из стекла, а внутри бурлила светло-зеленая жидкость. Сверху воткнуты провода. Вдоль стен располагались более знакомые вещи – радиаторы странной формы, здоровый пульт с множеством кнопок и большим экраном над ним, да десяток кресел на ножках, которые были явно откуда-то вырваны.

– Что это? – указал на квадрат с жидкостью Данил.

– Хотел бы я знать, – вздохнул Тимур. – Мы еще не достигли такого прогресса. Могу лишь сказать, что это нечто наподобие повышающего трансформатора. Те крохи электроэнергии, что поступают внутрь, он усиливает до нескольких сотен тысяч киловатт. Как? – не спрашивай.

Данил обошел странное изобретение вокруг. Нигде ничего хоть отдаленно напоминающего кнопки «вкл/выкл» или регулятора мощности.

– Это явно не человеческое изобретение... – рассеянно пробормотал Данил. – Я нигде ничего подобного не встречал... А ты не пытался взять на пробу этой жидкости? – спросил он брата.

Тимур усмехнулся.

– Еще как пытался! Я тоже вначале подумал, что это стекло, – он взял стоявшую возле стены кувалду достаточно внушительных размеров. – Вот, инструмент из местной кузницы. Попробуй стеклышко.

Данил не заставил просить себя дважды. Схватил одной рукой кувалду и что есть сил ударил по квадратному сооружению. В следующую секунду выронил кувалду и затряс рукой от боли.

– А сверлить не пробовал?

– Пробовал, – ответил Тимур. – Я что только не пытался сделать. Пойми, мы еще не достигли такого развития, чтоб создавать подобные вещи.

– Но провода туда как-то ж воткнули? – не унимался Данил.

– Я действовал по точно такой же логике. Ничего не вышло. Подойди сюда, – Тимур присел на одно из кресел возле пульта. – Садись, – указал на соседнее.

Данил еще раз кинул взгляд на квадрат с бурлящей жидкостью, затем послушно сел.

– Я долго разбирался в этом оборудовании, – Тимур нажал несколько кнопок и экран вспыхнул помехами с характерной статикой. – Нашел много интересного, но самый большой интерес представляет вот эта запись.

На экране возник мужчина в рубаше из коричневого меха, с седой бородой и волосами, хоть и не казался при этом старым. Он сидел на том же месте, что и Тимур, за его спиной возвышался тот же бурлящий квадрат, а в комнате была та же обстановка.

Человек начал говорить. Данил внимательно слушал около минуты, затем спросил:

– Это что за язык? Со мной служит китаец, постоянно песни свои распевает. Это точно не китайский. Про языки романской группы тут можно и не говорить...

– Можешь не гадать, – перебил Тимур. – Это шумерский.

– Какой?! – Данил посмотрел на брата, как на чокнутого, затем перевел взгляд на экран и больше не отрывал.

Человек минут пять говорил. Постепенно Данил начал улавливать какие-то посторонние звуки. Поначалу подумал, что с улицы, но, вслушавшись, понял – с экрана. В паузах между словами мужчины до слуха Данила долетали какие-то возгласы, крики, иногда рычание и что-то напоминающее выстрелы. Крики усиливались. В одно из мгновений начала вопить женщина. Крик как начался, так и оборвался. Слышалось, что звуки приближаются. Дверь за спиной мужчины дрогнула. Он обернулся. Когда повернулся обратно, на его лице без труда читался страх. Он успел сказать несколько фраз, когда дверь вырвали. В комнату ворвались существа. Они перемещались на двух лапах и очень напоминали бы человека, не имей волчьих морд, лап, заканчивающихся когтями, да меха коричневого цвета.

Дальнейшее заняло несколько секунд.

Двое, что ворвались первыми, мгновенно оценили обстановку. Опустившись на четыре лапы, они кинулись на мужчину.

Экран зашипел статикой. Некоторое время Данил с Тимуром сидели молча.

Затем Тимур встал, прошел к одному из кресел, где лежал ворох бумаг. Немного покопавшись, выбрал одну и протянул Данилу.

– Не буду вдаваться в подробности, – сказал Тимур. – Начнем с того, что я нашел человека, который владел шумерским. Оказалось это не тот шумерский, что знают сейчас, а его неизвестная проформа. Несмотря на протесты, что это не до конца изученный, мертвый, да к тому же, отходящий на многие тысячелетия от классического, язык, я все-таки уговорил его перевести. Но он не смог полностью и дословно этого сделать, сказал, что много чего додумывал и логически домывал.

Тимур замолчал. Данил некоторое время смотрел на брата, словно сомневался, стоит ли читать. Потом опустил взгляд.

«Мы потомки тех, кто семьдесят прореев (не смог расшифровать данное выражение, потому привожу его, как есть) назад сбежал с Эйтона (такая же проблема). Невыносимые условия и агрессия эксплуататоров заставили наших отцов и матерей бежать. Они угнали один из пространственных крейсеров (не уверен в дословности перевода, но думаю, что здесь имеется в виду нечто летающее) и только поэтому смогли скрыться. В полете они решили, что надо разбиться на группы. Одну оставили здесь. Вторая группа отправилась на третью планету от вновь зарегистрированной звезды, где, по предположениям, обитали подобные нам существа.

Рассчитывали, что они, укрывшись там, спрячутся среди местной фауны, а позже вновь вернуться за оставшейся здесь группой. Если же их найдут, то на этой мертвой планете искать не станут и тогда хоть кто-нибудь выживет. Но эта планета оказалась не пуста... (далее два предложения практически непереводаемы, а из отдельных понятных слов общей картинки не получается). В назначенное время крейсер не вернулся и на связь не вышел. Эта планета оказалась еще страшнее, чем мы думали. Когда наши предки установили, что здесь жили люди... (несколько непонятных слов) то опасаться за свою жизнь пришлось вдвойне. Здешние здания заражены. К кораблю в порту вообще нельзя приближаться. Но самое опасное это местные хищники. Они борются за еду. А еда мы. Но самое страшное в том, что и они для нас единственная еда. В этот раз мы, похоже, не выстоим. Они...»

– Не повезло, – подвел итог Данил. – Их попросту кинули умирать. Мне, знаешь, кажется странным, что мертвый язык, который плохо изучен, настолько хорошо переведен.

– Я же говорил, что человек, который переводил, многое домысливал, – повторил Тимур.

– Кажется, он слишком многое присочинил, – усмехнулся Данил. – Удивительно, что они смогли выжить в деревянных домиках при такой температуре!

– Знаешь, сколько этой записи лет? – Тимур не услышал брата. – Она сделана около сорока тысяч лет до нашей эры. В этих условиях все отлично сохраняется. Так отлично, что я даже не смог установить, когда построен город вокруг нас. Но я предполагаю, что эта цивилизация погибла незадолго перед прибытием экспедиции, раз на планете оставались живые хищники.

– Это все поистине занимательно, – сказал Данил. – Но неужели ты думаешь, что тебе поверят?

– Я не думаю, а знаю! – возразил Тимур. – Против таких доказательств не попрешь! Я сообщу...

– А ты уверен, что человечество готово к раскрытию тайны? – перебил брат.

– Да ведь это прорыв! – воскликнул Тимур. – Десятки тысячелетий человек гадал, откуда взялся, а здесь такое открытие...

– Брат мой, – вздохнул Данил. – Ты засел на этой покинутой даже микробами планете и думаешь, что облагородишь человечество? Я повторю вопрос. Ты уверен, что человечество готово узнать, откуда оно?

– Но ведь это...

– Ты уверен, что человечество готово узнать, откуда оно? – повысил голос Данил.

– Да! – посмотрел в глаза брату Тимур.

– Хорошо, – согласился Данил. – Ты здесь сидишь и не видишь, что человечество на месте не стоит. Оно активно заселяет другие планеты. Естественно, близлежащие. Как я понял из перевода, наши предки прилетели из далекого далека, где были рабами.

– Не факт, – вставил Тимур, но Данил его и не старался слышать.

– Заселяя другие планеты, люди истребляют местное население, ведь врага за спиной оставлять опасно. На самый крайний случай, под видом помощи превращают в рабов. Нигде не встречают сопротивления, и тут объявляется молодчик, который сбрасывает с человечества нимб и опускает до уровня прислуги. Мы не будем даже вспоминать о людях, которые до сих пор считают, что произошли от бога или о тех, кто убежденно верит в силу ветки и вкус бананов. Мы возьмем людей, кто более-менее трезво оценивает свое бытие. И ты думаешь, они готовы узнать, что являются бывшими рабами?

– А что в этом плохого? Человеческая история вся состоит из рабства. – Тимур никак не мог понять, куда клонит брат.

– В том-то и дело... получается, это не наше изобретение. Получается, мы используем чужие достижения. Опять же, на этой планете, как и на множестве других, жили люди, а потом куда-то делись. Когда вновь объявились, то были уже рабами.

– Я не пойму, куда ты клонишь, – признался Тимур.

– Попробуй объяснить трехлетнему ребенку, что его не аист принес, а мама с папой в прямом смысле слова «сделали». И процесс в подробностях объясни. Думаешь, поймет? Оценит прогрессивность родителей? Так же и с человечеством. Ты попросту угробишь жизнь впустую. Ты мой брат. В твоих жилах течет моя кровь, и я не допущу, чтоб тебя, как Бруно, сожгли на костре за правду. Придет время, человечество повзрослеет и само все поймет, а пока мы еще в трехлетнем возрасте. Повторно убежали от родителей и как истинные дети истребляем все вокруг. Нам все надо потрогать, пощупать, разобрать. Но если придет мама и увидит, что мы наделали... не сносить людям голов за побег от мамочки.

Послесловие автора:

Рассказ написан в 2011 году. В 2016 опубликован в журнале «Знание – сила. Фантастика». Входит в авторский сборник «Ядерная зима», который можно найти на ЛитРес:

<https://www.litres.ru/42160735/?lfrom=174660427>

После написания рассказа родился цикл «Мир Евы», где рассказывается о горстке людей, выживших после апокалипсиса, когда на планете появился новый, более приспособленный, вид.

Первую книгу цикла – «Выбор Евы» – можно найти на ЛитРес:

<https://www.litres.ru/42162367/?lfrom=174660427>

Вторую книгу цикла – «Путь Евы» – можно найти на ЛитРес:

<https://www.litres.ru/42163234/?lfrom=174660427>

Третью, финальную, книгу цикла – «Правда Евы» – можно найти на ЛитРес:

<https://www.litres.ru/50397733/?lfrom=174660427>

Поезд должен жить

Михаил ступил на чистенький эскалатор. Металлическая лестница двигалась бесшумно. Открывшаяся четыре дня назад станция «Марьиная роща» блестела чистотой. Встречный подъёмник пустовал, что и неудивительно для шести утра. Люблинская ветка и так не перегружена, а ранним утром в среду на ней хоть голышом можно ехать.

Внизу зевала дежурная. Михаил обернулся. На эскалатор вступил рослый мужчина в белой футболке, за собой вкатил чемодан на колёсиках. В руках он держал электронную книгу, которую тут же принялся читать. Михаил лет на двадцать младше, но не понимал такого веяния моды, как электронный носитель. С каждым днём в составах прибавлялось людей с новенькими устройствами. Смотрели на них косо. В основном народ читал обыкновенные бумажные книги.

Михаил расстегнул наплечную сумку, где лежал пластиковый контейнер с обедом, термосок с чаем и новенький роман Пехова «Страж». Вынул книгу и застегнул молнию. Он работал продавцом на Южке, рядом с «Кожуховской», поэтому много читал. Поначалу это было непривычно, но постепенно втянулся. Вообще он предпочитал боевики, где бравые спецназовцы ликвидировали очередных преступников. Всего четыре года назад Михаил демобилизовался из рядов воздушно-десантных войск и с большой симпатией относился к людям военной профессии. Помыкавшись в родном городе без работы, он, вместе с другом детства, рванул в столицу за лучшей жизнью. Последние пару лет Михаил чувствовал себя как рыба в воде. Продавал запчасти, поднаторел в автомобильном бизнесе и мечтал открыть собственную точку.

Зайдя накануне в магазин за очередным боевичком, Михаил случайно увидел книгу, на обложке которой был нарисован он же: высокий русоволосый парень с решительными манерами. Сходство оказалось поразительным. Михаил попросту не смог пройти мимо и купил эту книгу.

Он сошёл с эскалатора, размашистыми шагами прошёл к середине пустой платформы. Ненавязчиво пахло креозотом. Боковым зрением увидел, что за ближайшей колонной целовалась парочка. Девушке не больше восемнадцати. Парень явно разменял третий десяток. На его левой кисти красовалась топорная наколка в виде якоря с русалкой.

Михаил открыл книгу и принялся читать. Описывалось некое Пугало в старой шляпе, трусливый Проповедник. Из тоннеля дохнуло тёплым воздухом. Послышался грохот состава. Михаил неожиданно для себя вчитался. Когда понял это, хмыкнул, улыбнувшись лишь левым уголком рта. Ещё вчера он называл фэнтези не иначе как «Хрень сказочная». Даже перед продавщицей стало стыдно, когда подошёл на кассу.

Мимо проехал длинный серебристый состав. Прямо перед Михаилом открылись двери. Дохнуло чем-то несвежим и приторно-сладким. Михаил вошёл и опустился на скамью. Перевернул страницу. В книге как раз рассказывалось, где главный герой познакомился с Проповедником. Двери закрылись, поезд тронулся. В этот момент Михаил почувствовал неладное. Он даже не понял, что именно вырвало из мира, созданного автором «хрени сказочной». То ли отсутствие стандартного: «Осторожно. Двери закрываются. Следующая станция «Достоевская»». То ли сильный, сладковато-приторный запах, в вагоне. Михаил поднял голову от книги. На противоположной лавке лежал старый, местами истлевший пиджак. Сквозь дыры виднелись кости. Михаил сумел сохранить самообладание и осмотрелся. Скелетов в вагоне оказалось не меньше двадцати. Одни скорчились на сиденьях в позе эмбриона, большинство осыпались на пол. Возле дальней скамьи, на полу, лежал черноволосый мужчина в кожаном плаще. У Михаила возникло чувство, будто тот пытался спрятаться за лавкой.

В этот момент пришло осознание, что при посадке вагон был серебристым – из новеньких. Внутренность поезда оказалась незнакомой: длинные коричневые сиденья, как в старых составах, полное отсутствие форточек и однорожковые бра вместо привычных светильников.

– Твою ж мать... – Михаил инстинктивно загнул угол страницы, как закладку, захлопнул книгу. Рванул молнию и запихнул её в сумку. Осмотрелся в поисках устройства экстренной связи с машинистом. Такое обнаружилось над головой. Тёмно-зелёное с простой инструкцией: «Говорите при нажатой кнопке». Михаил вскочил и вдавил чёрный кругляшок.

– Алло! Алло! Тут... – на мгновение замялся. – Куча трупов! Вызывайте наряд! Немедленно!

Отжал кнопку и осмотрелся. Во многих местах вагона имелись надписи, сделанные ручками и маркерами, краской и баллончиками. Михаил не придавал им значения. В переднем вагоне ехали парень с девушкой, целовавшиеся возле колонны. Теперь они прижались к двери и широко раскрытыми глазами смотрели под ноги. В заднем вагоне ехал мужчина. Он также прижался к двери, электронную книгу сжимал так, что костяшки пальцев побелели.

Динамик молчал. Поэтому Михаил ещё раз вдавил кнопку и повторил:

– Алло?! Вы меня слышите?! В салоне куча трупов! Вызывайте наряд!

Снова никто ему не ответил. Михаил искал глазами другое устройство – оно обнаружилось возле дальней двери, рядом с человеком в кожаном плаще. Поезд покачивало. Некоторые из костей перекачивались с лёгким постукиванием. Не сразу Михаил понял, что звук ему мерещится, ведь из-за грохота колёс ничего не может быть слышно.

Он прошёл точно по центру вагона к дальней двери. Чем ближе подходил, тем острее чувствовал сладковато-приторный запах. Начало подташнивать. Запросился наружу завтрак. При ближайшем рассмотрении стало понятно, что мужчина в кожаном плаще и есть виновник тошнотворной вони: его живот раздулся, на лице появились зеленоватые пятна. Михаилу бросился в глаза потрёпанный коричневый блокнот, зажатый в правой руке трупа.

Поезд качнулся и начал притормаживать. Свет мигнул. Михаил и думать забыл об устройстве экстренной связи с машинистом. Прильнул к двери и всматривался в кабели, укрепленные на серой стене.

Неожиданно кабели метнулись вверх, мелькнула решётка, тусклый жёлтый фонарь, металлическая дверь, показалась станция. На перроне стояли люди. Две женщины, мужик полубомжеватого вида, подросток в больших наушниках. Состав, наконец, остановился. Михаил приготовился выскочить. Приложил пальцы к резиновым уплотнителям, чтобы поскорее раздвинуть...

...двери не открылись, сколько он ни пытался их расцепить. Поезд попросту стоял на станции. Сбоку что-то мелькнуло. Михаил увидел, что парень с якорем на кисти бьёт кулаками в стекло. Столько силы и злости он вкладывал в эти удары, что не устояла бы и бетонная стена. Рядом подпрыгивала от нетерпения девушка, её губы двигались – она беспрестанно говорила. В заднем вагоне мужчина долбил в окно, пытался доораться до подростка, но тот кивал в такт музыки и невидящим взглядом смотрел сквозь пассажира поезда.

Михаил сделал шаг назад и долбанул ногой в стекло. Стопу пронзили сотни иголок, в колене неприятно зануло. На стекле от удара не осталось и следа. Поезд тронулся и начал быстро набирать скорость. Парень из переднего вагона уже сбил кулаки в кровь, но продолжал дубасить стекло. Подруга прикрыла рот руками и отошла на два шага. Мужчина из заднего вагона побежал назад, продолжая тарабанить в стёкла, пытался привлечь внимание.

Михаил подскочил к устройству экстренной связи с машинистом. Зажал кнопку.

– Эй!? Меня вообще кто-нибудь слышит?!

Динамик молчал.

– Алло? – предпринял Михаил последнюю попытку связаться с машинистом.

Девушка тыкала пальцами на кнопки телефона. Парень демонстративно небрежно вытирал кровь с разбитых костяшек. В заднем вагоне мужчина уже держал телефон возле уха, но его губы не шевелились. Затем он начал тыкать в кнопки, снова приложил к уху. Михаил запустил руку в карман. Вначале ему попался маркер, которым подписывал ценники на рынке, а

накануне случайно утащил домой. Рядом нащупал мобильник и вынул его из кармана. Разблокировал. Связь отсутствовала. Тогда нажал два раза единицу, затем двойку, клацнул зелёную кнопку. Приложил аппарат к уху и несколько мгновений ждал. Ничего не происходило.

Михаил бросил телефон в карман и отошёл в противоположный конец вагона, подальше от смердевшего трупа. Поезд начал замедляться. Вскоре показалась и станция, но не привычная «Трубная», а «Маяковская». Людей на перроне стояло больше: несколько старушек, волосатый мужчина с гитарным чехлом, длинноногая блондинка в модно порванных джинсах, двое парней. По центру платформы прохаживался милиционер. Все они скучающими взглядами провожали поезд. Михаил начал долбиться в двери, привлекая к себе внимание, но люди на перроне его не замечали. Парень в переднем вагоне принялся бить в стекло ногами, девушка пыталась дозвониться в экстренные службы. Мужчина в заднем вагоне схватил чемодан и начал колотить им в большое стекло над сиденьем, как тараном. Безрезультатно. Лишь одно за другим отскочили колёсики, а за ними и пластиковое основание.

Михаил подскочил к дверям и снова попытался их раздвинуть. С тем же успехом можно толкать скалу. Или многоэтажку.

Никто из людей на перроне не обратил внимания на попытки пассажиров выбраться из состава. Поезд тронулся и начал быстро набирать скорость. Михаил удручённо упал на сиденье, где недавно с удовольствием читал книгу.

Боковым зрением заметил движение. Сосед из заднего вагона вначале подёргал за ручку межвагонной двери, затем начал что-то показывать. Михаил стянул сумку и бросил на коричневый козям сиденья. Поднялся и подошёл к двери. В соседнем вагоне лежали два женских тела. Под одним образовалась лужа. Второй труп выглядел свежее. Русоволосая женщина смотрела в потолок. Казалось, она отдыхала. Однако бледная кожа, заострившиеся скулы и светло-зелёное пятно на носу говорили о том, что она мертва. В целом вагон казался чистым, словно прошлые «жильцы» прибирались. Все кости оказались свалены в дальнем углу. Как на картине Верещагина «Апофеоз войны».

Мужчина много говорил, усиленно жестикулировал руками. Михаил попытался читать по губам, но так и не понял, чего от него хотели. Помотал головой и сказал:

– Не понимаю.

Мужчина показал указательным и средним пальцем жест «ножницы». Приложил эти два пальца к межвагонной двери и повернул ладонь. Михаил понял, что ему нужно. Наклонился к замку. Будь у него с собой инструменты, смог бы открыть без проблем. Он распрямился и покачал головой. Вдруг глаза мужчины округлились, он начал тыкать в стекло. Михаил обернулся. В переднем вагоне на ногах остался лишь парень. Он избивал ногами лежащего. Не составило труда догадаться, кого именно. Михаил рванулся через вагон, под ногу попала выкатившаяся на дорогу берцовая кость. Сладковато-приторный запах гнили усилился. Снова начало подташнивать. Михаил подскочил к межвагонной двери, ожесточённо затарабанил по стеклу. Труп мужчины в кожаном плаще лежал в нескольких сантиметрах от его ног. В соседнем вагоне все кости оказались хаотично разбросаны, словно кто-то глумился над мертвецами.

Поезд начал замедляться. Замелькали укреплённые на стенах тоннеля фонари.

Парень, с якорем на кисти, обернулся. Его подруга корчилась на полу среди костей. Её лицо скрылось под кровавой маской, она держалась за живот и кричала беззубым ртом.

Михаил покрутил пальцем у виска. Парень улыбнулся и показал средний палец. Затем ещё раз, со всего размаха, пыром ударил девушку в лицо. Перевернувшись на спину, она затихла. Неважно, какая проблема свалится на твою голову. По-настоящему важно лишь кто с тобой в этот момент будет рядом.

Состав въехал на станцию «Юго-Западная». На перроне стояло не меньше сотни людей, провожавших поезд недовольными взглядами. Парень с якорем на кисти снова подошёл к

двери. Попытался выколупать резиновый уплотнитель. Состав остановился. Пассажиры с перрона должны видеть, что происходит внутри... но не видели.

Парень из переднего вагона снова начал бить в стёкла кулаками. Мощно, со всей силы. Кровь из разбитых костяшек разлеталась по стенам, сиденьям, стекала по дверям. Однако он не останавливался и продолжал долбить, пока состав не скрылся в тоннеле. Девушка лежала без движения. Михаил всматривался и не мог понять: дышит она или нет.

Вдруг парень с якорем подскочил к межвагонной двери. В упор уставился на Михаила. Его чёрные глаза блестели безумием.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в лицо. Михаилу надоела эта игра в гляделки, он отвернулся. Сделал шаг назад. В этот момент поезд качнулся, и он задел ногой блокнот. Потрёпанная книжица вылетела из рук мертвеца, проскользила по пыли и стукнулась о череп, рядом с которым лежали волосы и посеревшее от времени платье.

– Твою ж мать... – полушёпотом произнёс Михаил.

* * *

Сосед из переднего вагона продолжительное время долбил в двери на каждой станции. Михаил откровенно не понимал, откуда у него столько сил. На кулаках уже живого места не осталось. Скорее всего, у этого человека на всю жизнь будут серьёзные проблемы с руками, но из-за беды с головой его это не волновало.

Девушка так и не поднялась. Михаил несколько раз подходил к межвагонной двери и видел её в одной позе.

Мужчина из заднего вагона вытащил из чемодана завёрнутую в фольгу курицу и принялся есть, помогая себе красным перочинным ножиком. Его ни капли не смущали два смердевших трупа и гора костей в углу.

Михаил несколько раз прошёлся по вагону в поисках путей спасения. Возле одной из дверей, засохшей жвачкой на полу, выложена цифра «1». Михаил не придавал этому значения, так как ему в голову пришла банальная мысль: «Стоп-кран». Он бросился его искать. На стенах, возле дверей, после начал опускать спинки, поднимать сиденья...

Экстренной остановки этого поезда не планировалось.

Зато он прочитал некоторые из надписей на стенах. «Проклятое место», «Метро нами питается», «Если поезд остановится – всё рухнет».

Утомившись, Михаил прилёг на единственном, ни в чём не запачканном сиденье. Поначалу считал станции, на которых останавливался состав. Сбилась после семнадцатой. Несколько минут смотрел на надпись маркером, выведенную на противоположной стене вагона: «Поезд опустеет – всё рухнет». Сладковато-приторный запах мертвечины уже не чувствовался. Стук колёс убаюкивал, но о том, чтобы уснуть, Михаил боялся даже подумать. Сердце гулко колотилось в груди. В мыслях царствовал первозданный хаос. На каждой станции Михаил видел лица людей. Отрешённые, раздражённые, задумчивые, скучающие, взволнованные. Какие угодно на них проскальзывали эмоции, кроме ужаса. Все эти люди равнодушно смотрели на вагон, словно перед ними обычный поезд, по какой-то причине не открывший двери. Он вспомнил, как и сам не единожды провожал взглядом вагоны дефектоскопа.

Михаил не мог сконцентрироваться. Закрыв глаза и попытался ни о чём не думать. Просто полежать. Иногда ответы приходят сами собой, надо просто открыть для них разум.

Время текло неспешно и монотонно. Сердце постепенно начало биться медленнее. Кроме стука колёс до ушей не долетало ни единого звука. Изредка состав останавливался на станциях. Иногда проезжал, лишь замедляясь. Михаилу показалось, что он проваливается в пустоту, а в следующий миг услышал тихий шёпот. Распахнул глаза и увидел, что на противоположной скамье сидит скелет в чёрном, потрёпанном временем костюме. Белая рубашка давно пожелтела, галстук сбилась. Скелет смотрел на пассажира подземки. Затем начал говорить. Михаил мог поклясться, что он говорил, но ни одного звука не долетало. Неожиданно свет погас. В даль-

нем конце вагона появились зелёные глаза и стали приближаться. Послышался звук открывающихся дверей...

Михаил вскочил, бросился к выходу из вагона. Состав по-прежнему ехал, но начинал замедляться. Свет горел. Никакого скелета на противоположной скамье он не увидел. Не сразу Михаил осознал, что видел сон. Сердце учащённо билось в груди, но постепенно успокаивалось. Поезд въехал на станцию «Царицыно». Людей на перроне ожидало немного. Когда состав остановился, Михаил оказался лицом к лицу с прыщавым пареньком лет шестнадцати. Пассажир подземки заглянул в вагон. Поводил глазами. Отстранился и зевнул.

Секунд через тридцать поезд снова тронулся. Сосед из заднего вагона читал электронную книгу, развалившись на скамье. Парень из переднего упёрся лицом в дверь и смотрел на серые стены тоннеля. Михаил подошёл к межвагонной двери, глянул на его спутницу. Рядом с трупом мужчины в кожаном плаще снова стала чувствоваться вонь. Девушка по-прежнему лежала в той же позе и без сомнения умерла. Парень повернулся, посмотрел на Михаила. Его губы что-то произнесли, затем он кинулся на соседа по несчастью.

Михаил инстинктивно скакнул назад, встал в стойку. Парень подскочил к двери и нанёс два удара. Больше не смог. Его кулаки уже превратились в куски мяса, откуда торчали кости. Якорь с русалкой скрылся под засохшей кровью. Михаил не понимал, как он ими вообще мог бить. Парень положил окровавленные ладони на стекло, отклонился и ударил головой. Стекло осталось на месте.

Михаил отвернулся и направился к скамье. На глаза попался блокнот. Поднял книжицу, протёр от пыли. Раскрыл наугад. В середине. Пожелтевшие листы «в клеточку». Казалось, они вот-вот рассыплются от прикосновений. Михаил открыл блокнот с начала. Страницы оказались исписаны мелким почерком. Синяя паста сильно выцвела, во многих местах расплылась, и слова не читались. Михаил попытался разобрать почерк. Понял лишь, что хозяину блокнота следовало куда-то явиться и не забыть там что-то сделать. Следующий десяток листов оказался испещрён этим же мелким почерком. Даты встреч полувековой давности, телефоны, имена, малосодержательные записи, длинные подсчёты «в столбик», короткие и бессмысленные для стороннего человека напоминки.

Поезд начал замедляться. Михаил достал мобильник. Подождал, пока состав остановится на станции. Людей на перроне стояло предостаточно, но никто из них по-прежнему не видел узников. Михаил внимательно наблюдал за дисплеем в надежде, что мелькнёт хотя бы слабый сигнал сети. Понимал, что этого не будет, но никто не запрещает надеяться.

Поезд тронулся. Михаил спрятал телефон и удручённо поплёлся на скамью, где совсем недавно сумел уснуть. Присев, несколько минут смотрел на мелькавшую за стеклом серую бетонную стену, кабели на ней. Опустил взгляд на блокнот. Уже собирался отбросить его, перевернул ещё один лист...

Плохочитаемые мелкие буквы сменились каллиграфическими. Кое-где имелись странные завитушки и росчерки, но Михаил догадался, что появились они вследствие того, что писали в движущемся и качающемся поезде.

Хоть отдельные слова читаемы, в целом с распознаванием текста возникли проблемы. Во многих местах буквы, и целые предложения, «поплыли». Бумага пожелтела, стала хрупкой. Не хватало листов. В нескольких местах Михаил обнаружил бурые пятна, делавшие нечитаемыми целые куски текста на нескольких страницах.

В целом смысл оказался понятен, но деталей Михаил не уловил. С самого открытия метро было проклятым местом. Первый пробный состав, пущенный пятнадцатого февраля, тысяча девятьсот тридцать пятого года, так никуда и не приехал. В дальнейшем метро питалось пассажирами. И чем сильнее оно разрасталось, тем больше требовало жертв. Автор дневника утверждал, что, если состав останется без пищи – метро рухнет.

Свет мигнул. Михаил отбросил коричневый блокнот и поднялся. Прошёлся вдоль стен, читая надписи, оставленные прошлыми пассажирами.

«Двери откроются, когда будет один»

«Поезд – это метро»

«Поезд опустеет – всё рухнет»

«Иногда они открываются»

«Поезд – это смерть»

«Если он остановится – всё развалится»

«Метро питается нами»

«Проклятое место»

«Состав остановится и все-все-все погибнут»

Михаил прочёл всё, что нашёл. Большинство надписей по смыслу дублировали друг друга. Тогда он заглянул в вагон к парню, который опустился на колени перед дверьми на платформу. Там тоже разглядел на стенах надписи, но прочесть их не смог. Прошёл к заднему вагону. Мужчина уснул с электронной книжкой на груди. В его вагоне надписи на стенах были в меньшем количестве.

Состав начал замедляться. Вскоре остановился на станции «Бибирево». Через полминуты снова двинулся. Михаил вернулся на лавку и лёг. Из головы не выходила фраза: «Двери откроются, когда будет один». Поразмыслив, он пришёл к выводу, что поезд перестраховывается. Когда останется один пассажир, двери откроются, чтобы набрать ещё людей. Именно в этот момент существует единственный шанс на спасение.

* * *

Парень из переднего вагона стоял на коленях четыре дня. Иногда вставал и пытался раздвинуть двери на станции. Несколько раз мочился в ладони и пил. На пятый день принялся бесноваться, и Михаил порадовался, что каждый вагон звукоизолирован. Парень поднимал окаменевшую подружку и бросал в двери, в окна. Когда выдохся, принялся швыряться костями предыдущих пассажиров. Михаил отвернулся и старался не обращать внимания на сумасшедшего.

Мужчина из заднего вагона почти всё время лежал, читал книгу. В тот день доел курицу. На следующие сутки вмял батон и банку шпрот. На третий день затянувшейся поездки съел пару-тройку конфет. На четвёртые сутки ничего не ел. Пятые провёл, беспрестанно обшаривая вагон.

Михаил перевёл телефон в режим полёта и смотрел лишь время, чтобы новенький аппарат продержался как можно дольше. Старался меньше двигаться. В первый день пытался читать книгу, но вскоре отказался от этой затеи. Ему требовалось максимально побереечь силы. Поэтому он просто лежал с закрытыми глазами и старался ни о чём не думать. Лишь раз в четыре-пять часов съедал маленькую часть обеда из пластиковой чашки и делал глоток чая. Вскоре ему пришлось силой воли заставлять себя не съесть всё сразу.

В поведении поезда ничего не изменилось. Он беспрестанно ехал, останавливаясь на станциях. Когда метро закрывалось, остановки прекращались, за окном мелькал бесконечный тоннель.

К шестому дню еда и чай закончились. Михаил ощущал постоянный сосущий голод, мешавший связно мыслить. Во рту давно поселилась сухость.

Парень из переднего вагона лежал возле двери, слабо скрёб её пальцами. Его руки загноились.

Мужчина из заднего вагона ковырялся перочинным ножиком в трупях.

Михаила чуть не стошнило. Все понятия человечности, которые вдалбливаются с детства, вылетают за считанные часы, стоит людям оказаться в ситуациях, где на кону их жизни.

Михаил прошёлся по вагону из конца в конец, только чтобы размяться. В теле чувствовалась странная и неестественная лёгкость. Затем лёг обратно и вскоре уснул. Снилось, что зашёл в ресторан с огромным залом, где столы ломились от яств. Михаил ел и пил. Пил и ел. Понимал, что перед ним всего лишь сон, но не мог остановиться.

Разбудило сильное бурчание в животе. Поезд как раз стоял на станции. Людей на перроне столпилось много. Михаил узнал «Выхино». Бросился к окну. Голубое небо и восходящее солнце вызвало столько эмоций, что он с трудом сдержал слёзы. За окном стояли москвичи с хмурыми лицами. Они в упор не видели чуда над головами и ужаса перед глазами. Беспокоились о глупых проблемах, о том, что через год уже и не вспомнят.

Поезд тронулся. Михаил смотрел в окно, пока состав не скрылся в тоннеле. После лёг на лавку. Закрыв глаза и долго-долго находился без движения.

* * *

На седьмой день парень по-прежнему лежал у двери на перрон. Михаил несколько раз подходил, чтобы посмотреть на него. По разбитым рукам ползали опарыши, однако ни одной мухи не наблюдалось.

Мужчина из заднего вагона лежал на лавке со вздувшимся животом. Рядом с покромсанным трупом остался валяться перочинный нож. Михаил быстро отвернулся, так как к горлу начала подкатывать тошнота, а в сложившейся ситуации каждая капля воды бесценна.

На восьмой и девятый день ничего не изменилось. Парень из переднего вагона лежал без движения и, судя по всему, умер. Мужчина из последующего вагона слабо ворочался. Жизнь и смерть боролись за его тело.

Михаил чувствовал слабость – поднять руку стало значимым событием, а встать – героизмом. Во рту образовалась Сахара. Кожа иссохла. Глаза болели от света. Участилось сердцебиение.

Поезд несколько раз выезжал из тоннелей, судя по всему, на Филёвской ветке. Один раз остановился на тёмной станции.

Михаил начал терять связь с реальностью, принимал сон за явь и наоборот. Ему мерещилось, что поезд открывал двери. Он вскакивал и понимал, что попусту израсходовал силы. Постоянно снилась еда. Начал чудиться звук водопада. За ведро с помоями он бы отдал всю зарплату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.